

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ)**

№ договора 21-48-04402 от 17.11.2020 г.

**ОТЧЁТ
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ,
выполненной в соответствии с договором
№ 21-48-04402 от 17.11.2020 г.**

по теме проекта
«Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ,
Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)»
(итоговый за 1-ый этап)

Руководитель проекта
Исполнители проекта:

А.И. Филюшкин
М.М. Шахнович (основной исп.)
Р.А. Соколов (основной исп., гл. н.сотр.)
Д.И. Вебер (основной исп.)
И.Н. Смирнова (мнс)
С.С. Абузина (инж.-иссл.)
Т.Д. Медведева (лаб.-иссл.)
В.И. Корневский (лаб. иссл.)
Парппей К. (приглашенный специалист)
Селарт А. (приглашенный специалист)

Санкт-Петербург 2022

РЕФЕРАТ

Отчет составлен на _35_ стр., содержит 104 использованных источников и публикаций.

Ключевые слова: идентичность, "воображаемые сообщества", этнокультурная общность, романтический национализм, нацистроительство, религия, конфессионализация, святые, канонизация, историческая имагология.

Цель работы: Целью этого проекта является сравнительный анализ ключевых фигур национальной и местной идентичности в регионе Балтийского моря, исследование причин, что позволяло культам святых и героев оставаться актуальными от средневековья до новейшего времени. В некоторых случаях это зависело от образа личностей; в других в индивидуальных культах персонифицируются места и события, значимые для определенной группы населения. Сравнение этих явлений позволит глубже понять закономерности развития национальных культур вокруг Балтийского моря и, таким образом, поможет объяснить различия в современной политической культуре. У каких стран и регионов была склонность к культам королей и воинов? Как происходило распределение мужских и женских идентификационных фигур? Как возникали культы? Как они трансформировались в истории? Через какие изображения и символы были представлены эти модели? Географическими рамками исследования являются Северная Германия, Скандинавия, Южная Финляндия и Карелия, северо-западные земли России, бывшая Ливония (современная Эстония и Латвия), бывшее Великое княжество Литовское (современная Литва и Беларусь), Пруссия и Поморье Королевства Польского (Речи Посполитой).

Методология проведения работы:

Методологической основой исследования являются концепции «воображаемых сообществ» Б. Андерсона (Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*, Revised edition. London, 2016), а также труды по исторической памяти П. Нора и его школы (Nora, P., Kritzman, L. D. (Eds.). *Realms of memory: the construction of the French past*. New York, 1996), работы Я. Ассмана и А. Ассман по современным методам изучения исторической памяти (Assmann, J. *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Beck, München, 1992; Assmann, A., *Theories of*

Cultural Memory and the Concept of 'Afterlife,' in: Tamm, M. (Ed.), *Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory*. Basingstoke, 2015. pp. 79–94). Результатом проекта станет реконструкция моделей для формирования символов народов - его святых отцов и исторических лидеров, героев - от средневековья до нового времени. Проект затрагивает только те модели, носители которых исторически жили и совершали свои подвиги, духовные и светские, в средние века. Но это было основой, от мифа о происхождении народа до национальных идеалов нового времени. Другие элементы национального строительства часто лишь на другом материале повторяли эти модели, эволюция которых происходит от средневековых святых и князей. Сравнительный анализ этих моделей поможет ответить на вопрос о причинах различных исторических путей народов, объединенных вокруг Балтийского моря - «моря идентичностей».

Результат:

Работа российского коллектива была сосредоточена на четырех направлениях. В рамках первого (исследования А. И. Филюшкина, Р. А. Соколова) были изучены святые Северо-Запада Руси (Новгородская, Псковская, Смоленская земли) в Средневековье и Раннее Новое время. В рамках второго изучались земли севера Великого княжества Литовского (Гродненская, Ковенская, Виленская, Полоцкая, Витебская, Смоленская до 1514 г., исследования А. И. Филюшкина и В. И. Короневского). В рамках третьего усилия исследователей были сосредоточены на изучении Тевтонского ордена в Прибалтике (Прусской и Ливонской ветви, а также владений в Прибалтике, Дании и Швеции, исследования Д. И. Вебера, Т. Д. Медведевой, С. С. Абузиной и приглашенного иностранного члена проекта, декана Тартуского университета А. Селарта). В рамках четвертого направления отдельная группа исследователей занималась эволюцией феномена святости и его использования в идеологии и политической пропаганде в Новое и Новейшее время в Российской империи и первые десятилетия существования СССР (исследования М. М. Шахнович, И. Н. Смирновой, В. И. Короневского, А. И. Филюшкина и приглашенного иностранного члена проекта, доцента университета Восточной Финляндии К. Парппей).

В 2021 г. членам научного коллектива требовалось опубликовать не менее 1 статьи в высокорейтинговых журналах. Было опубликовано 4,5 статьи в журналах, индексируемых в базе данных Scopus (одна — в журнале 1 квартиля по религиоведению, М. М. Шахнович в «Вестнике СПбГУ», серия «Философия и конфликтология», две — в журналах второго

квартиля по истории, публикация А. Селарта в журнале “*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*”, и Д. И. Вебера в журнале ЭНОЖ «История»). Также опубликована статья М. М. Шахнович в журнале «Религиоведение» (Scopus, квартиль пока не присвоен) и официально принята в печать статья Д. И. Вебера в журнал Балтийской исторической комиссии (Baltische Historische Kommission) “*Forschungen zur baltische Geschichte*” (Scopus, квартиль пока не присвоен). Эта статья написана в соавторстве с эстонским ученым А. Левансом, Д. И. Веберу принадлежит 50 % текста, что указано в публикации.

Отправлены и подготовлены к отправке в декабре в журналы следующие статьи, проходящие разные стадии рецензирования и рассмотрения, но подтверждения по ним еще не получено (таких статей планировалось подготовить 10):

- Филюшкин А. И. Making an Anti-Hero or Describing a Tyrant? Postmodernism and Ivan the Terrible — отправлена в ноябре 2021 г. в журнал “*Russian History*”, издательство Brill, 2 квартиль;

- Соколов Р.А., Смирнова И. Н. Экспертиза мощей Александра Невского в 1922 году (по материалам уголовного дела) — статья отправлена в июле 2021 г. в «Диалог со временем», возвращена как не подошедшая по тематике, будет доработана и в декабре 2021 г. отправлена в «Российскую историю»;

- восемь статей подготовлены для спецвыпуска журнала первого квартиля по религиоведению «Государство, религия, церковь в истории России и за рубежом». Подробнее о них будет сказано ниже, при описании проекта спецвыпуска. Статьи собраны в ноябре 2021 г., будут отправлены в редакцию в декабре 2021 г.

Таким образом, результаты по написанным статьям — выполнены полностью, а по публикациям существенно перевыполнены.

Были взяты обязательства публикации не менее 5 статей РИНЦ, подготовки и отправки в редакции еще не менее 5 статей РИНЦ. В 2021 г. опубликовано 9 статей в изданиях, которые или уже проиндексированы в РИНЦ, или будут проиндексированы (Р. А. Соколов — три, А. И. Филюшкин — две, В. И. Короневский — три, И. Н. Смирнова — одна). В печать приняты (со справкой) статьи Т. Д. Медведевой и С. С. Абузиной. Таким образом, обязательства здесь выполнены с некоторым перевыполнением: не опубликовано 5 и написано 5, как в обязательствах, а опубликовано 9 и принято в печать 2 (см список публикаций). Из публикаций РИНЦ стоит особо отметить статьи Р. А. Соколова и И. Н. Смирновой в журнале «Христианское чтение», а также статьи Р. А. Соколова и А. И. Филюшкина в большом сборнике: «Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения», подготовленном в Институте российской истории РАН и Институте археологии РАН и подготовленном к выходу в

издательстве «Индрик».

Согласно принятым обязательствам, планировалась организация и проведение двух совместных научных мероприятий российского и немецкого научных коллективов. Из-за пандемии COVID-19 эти мероприятия были вынужденно перенесены в онлайн. 7 мая 2021 г. на базе СПбГУ состоялся первый онлайн-семинар участников проекта. В нем приняли участие члены российской научной группы (руководитель проекта с российской стороны А. И. Филюшкин, исполнители проекта: М. М. Шахнович, Д. И. Вебер, Р. А. Соколов, И. Н. Смирнова, В. И. Короневский, С. С. Абузина, Т. Д. Медведева, приглашенные специалисты А. Селарт (Университет Тарту, Эстония) и К. Парппей (Университет Южной Финляндии, Йоэнсуу); члены немецкой научной группы (руководитель проекта с немецкой стороны К. Хесс, исполнитель проекта Г. Стренга, К. Бурнетт (Университет Грайфсвальда) и другие.

Целью семинара было знакомство участников с российской и немецкой стороны, презентация своих научных интересов, обсуждение планов реализации проекта. Также были представлены научные доклады.

18–19 октября 2021 г. на базе университета Грайфсвальда (Германия) была проведена международная научная конференция (онлайн): “Remembering a pre-modern past in a modern world: Medieval saints and heroes as realms of memory in 19th and 20th Century Central, Eastern and Northern Europe”. Организаторами были немецкая и российская научные группы по проекту РФФ-DFG. В конференции приняли участие ученые из Германии, Бельгии, Швейцарии, Великобритании, Финляндии, Эстонии, Швеции, России.

Участники проекта представили доклады, подготовленные в рамках своих исследований:

- Александр Филюшкин (Санкт-Петербургский государственный университет): Духовные и светские "места памяти" как символы исторической политики Российской империи: Польша, страны Балтии, Новгород, Псков и Санкт-Петербург: сравнительный анализ
- Дмитрий Вебер (Санкт-Петербургский государственный университет): От героя к событию: Генрих фон Плауэн и битва при Грюнвальде/Танненберге в памяти немцев с конца XIX по начало XX века
- Роман Соколов, Ирина Смирнова (Санкт-Петербургский государственный университет): Фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский»: “рождение героя” или “фильм, который хотели запретить”?
- Кати Парппей (Университет Южной Финляндии, приглашенный специалист

СПбГУ): “Святые просветители карельского племени” — Интеграция русских средневековых культов святых в финский православный “мифологический ландшафт”, 1896–1940

- Виктор Короневский (Санкт-Петербургский государственный университет): «Идея возвращения» как идеологическая составляющая празднования перенесения мощей святой Евфросинии Полоцкой из Киева в Полоцк в 1910 году

- Карл Бернетт (Университет Грайфсвальда): Историография раннего средневековья: Повествования и идентичности Севера

- Татьяна Медведева (Санкт-Петербургский государственный университет): Образ святой Елизаветы Тюрингской в XIX и XX вв: почитание и отражение в культуре

- Светлана Абузина (Санкт-Петербургский государственный университет): Как Иван Великий стал Иваном Грозным: к вопросу о написании и издании 9-го тома “Истории государства Российского” Н. М. Карамзина

- Густавс Стренга (Университет Грайфсвальда): ливонские епископы-основатели и средневековые коренные "герои" в эпоху национализма

- Марианна Шахнович (Санкт-Петербургский государственный университет): Увековечение памятников природы и почитание Святой равноапостольной княгини Ольги на Северо-Западе России (XIX – начало XXI вв.).

По итогам конференции было принято решение подготовить публикацию материалов на английском языке в виде сборника в престижном немецком издательстве “De Gruyter” (индексируется в наукометрических базах).

Были также сделаны доклады на международных за рубежом (4) и российских конференциях (27).

Создан сайт проекта «Святые и герои: символ, образ, память. Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы» <https://balticsaints-heroes.spbu.ru/>. Структура сайта состоит из 16 основных страниц, содержащих информацию о задачах проекта, участниках проекта, мероприятиях, прошедших в рамках проекта, а также информацию по содержательной части научных исследований.

Созданы базы данных по церквям, святым и героям на вышеуказанных территориях, на сегодняшний день они охватывают период с XI по XIV (по Северо-Западу России по XVI) вв., более 1200 позиций. Базы будут дополняться материалами по следующим периодам в рамках всего региона исследования. Формализованные базы данных в табличной форме Excel выступают как местом хранения информации о церквях, соборах, пределах, выставках, святых, которым они посвящены, и героях, так и рабочим

инструментом для анализа данных методами описательной статистики, сравнительного анализа картины святости по эпохам и регионам.

Согласно обязательствам, был составлен проект спецвыпуска высокорейтингового журнала по теме проекта. Были проведены переговоры с редакцией журнала «Государство, религия, церковь в истории России и за рубежом» (1 квартиль по Религиоведению, SJR, Scopus). В результате была разработана концепция спецвыпуска, который планируется к выходу в 2023, №1 — Тема номера: «Культы святых в Северной и Центрально-Восточной Европе: инструменты социализации, культурные коды и историческая память».

Список публикаций по теме проекта, вышедших в 2021 г.:

Публикации Scopus, WoS CC:

1. *Selart, Anti. Lembitu: A medieval warlord in Estonian culture // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2021. № 1. С. 3-14. DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2021.101> Второй квартиль Scopus.*
2. *Шахнович М. М. Местночтимые православные святые в России в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (по материалам этнографических экспедиций) // Религиоведение. Научно-теоретический журнал. 2021. № 3. С. 5-14.*
3. *Вебер Д. И. Посвящение церквей святым в городах средневековой Пруссии // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – URL: <https://history.jes.su/s207987840017121-2-1/> Второй квартиль Scopus.*
4. *Шахнович М.М. Презентация культа христианских святых в антирелигиозных музейных экспозициях эпохи «великого перелома» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 506-517. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.410> Первый квартиль Scopus*
5. *Weber D., Levans A. Eine Spurensicherung Zwei neuentdeckte Kardinalsurkunden von 1359 zu einem „alten“ Rechtsstreit zwischen dem Erzbischof von Riga und Deutschen Orden mit Teiledition // Forschungen zur Baltischen Geschichte. 2022. В печати.*

Публикации РИНЦ:

1. *Абузина С. С. К истории создания нижненемецкого перевода «Хроники датских королей» в связи с его сохранившимися списками // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. Принята в печать.*
2. *Короневский В. И. Перенос мощей св. Евфросинии Полоцкой из Киева в Полоцк в 1910 г. и проблема становления белорусского национального самосознания (по материалам прессы и источников личного происхождения) // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2021 г. / Отв. ред. А. Н. Дулов. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. С. 260-262.*
3. *Короневский В. И. Перенос мощей св. Евфросинии Полоцкой из Киева в Полоцк (1910 г.). Политический, конфессиональный и национальный аспекты*

- // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 25–26 мая 2021 г. / Отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 119-123.
4. Короневский В. И. Роль религиозных и исторических образов в формировании патриотического сознания у российского населения в начале XX века (По материалам Смоленской, Витебской, Минской, Могилевской, Гродненской и Виленской губерний) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XX Междунар. науч. конф., Иваново, 31 марта –1апреля 2021г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 348-353.
 5. Медведева Т.Д. Медведева Т. Д. Мифологические герои и конструирование истории в Пруссии XVI в. на примере «Прусской хроники». // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. Принята в печать.
 6. Смирнова И. Н. Судьба домовых храмов Петрограда в 1918-1922 гг. (по материалам документов ЦГАЛИ СПб) // Христианское чтение. 2021. No 4. С. 466–473
 7. Соколов Р. А. Заметки о перенесении мощей Александра Невского в 1723-1724 гг. // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия) / Институт российской истории РАН, Институт археологии РАН. М.: Индрик, 2021. С. 122-133
 8. Соколов Р. А. Канонизация Александра Невского и судьба его мощей // Христианское чтение. 2021. No 2. С. 23–32.
 9. Соколов Р. А. Церковная иерархия и выступления 1262 г.// Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Выпуск XXXIII. Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений / Отв. ред. Е. А. Мельникова. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2021. С. 291-294
 10. Филюшкин А. И. Новые подходы к изучению культов святых в средневековой Ливонии и перспективы их применения к изучению Северо-Запада Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Выпуск XXXIII. Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений / Отв. ред. Е. А. Мельникова. Москва: Институт всеобщей

истории РАН, 2021. С. 251-256.

11. Филюшкин А. И. Св. София и Александр Невский: к вопросу о происхождении идеи «где София, там и Новгород» // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия) / Институт российской истории РАН, Институт археологии РАН. М.: Индрик, 2021. С. 122-133.

СОДЕРЖАНИЕ

Реферат	2
Введение.....	11
Основная часть	16
Заключение.....	27
Список литературы.....	28

ВВЕДЕНИЕ

Многие средневековые героические фигуры были заново изобретены в эпоху Ренессанса, что стимулировало размышления о происхождении народов. Появились новые легенды о происхождении народов, в которых появились символические «отцы народов», часто ссылающиеся на средневековые историографические тексты и традиции. Отцы должны иметь последователей, и именно здесь появился источник появления героев определенных элитных групп (дворян, горожан), которые в будущем стали национальными героями. В начале современной эры святые и герои стали играть важную роль в формировании национальной идентичности. Их изображения были отделены от оригинальных (агиографических, фольклорных и хронографических) и имели различные формы изображения (искусство, литература, «места памяти», местные легенды и т. Д.). В национальных государствах XIX века, формирующихся на побережье Балтийского моря (Скандинавия), они играли роль ориентиров в формировании национальной идентичности. В империях их роль была иной: имперские культы способствовали объединению. Местные культы играли защитную роль, спасая местную самобытность от распада в империи (Российской империи, а также на польских землях, принадлежащих Пруссии, а затем и Германской империи). Этот процесс и роль местных культов святых и героев мало изучены.

Для крупных национальных государств в Европе меняющаяся роль национальных символов изучалась довольно часто, в основном с точки зрения политической истории или эмпирических социальных наук. В отличие от официально признанных национальных символов, таких как флаги, национальные праздники или гимны, средневековые героические фигуры и святые пользуются менее нормативным почитанием, но, по-видимому, они по-прежнему выполняют важные функции для обоснования национальной самобытности. А этот вопрос сегодня актуален в контексте как глобализационных процессов, так и роста национализма в Восточной Европе после распада СССР.

В средние века ориентирами вновь приобретенной христианской идентичности были образы святых. Их пантеон помог сформировать *Rex Christiana*, сообщество католического мира. Но локальные культы святых возникли в регионах, которые играли системообразующую роль для местных идентичностей. Напротив, в Ливонии, христианизированной в XIII веке, не появилось ни одного местного святого. В большинстве областей, христианизированных в течение XI и XII веков, создание новых епархий было связано с определенными святыми миссионерами. Современные исследования показывают, что в некоторых случаях эти миссионеры оказываются более поздними «изобретениями», мифом. Недавние исследования подчеркнули значение культов святых для трансформации

религиозных систем из языческих в христианские и из католических в протестантские религии. В этом отношении особенно актуальны культы местных, неофициально канонизированных святых, которые образуют тесную связь между конкретным местом, считающимся святым на протяжении многих веков, и его населением. Хотя официальная протестантская идентичность шведских и датских национальных государств не позволяла почитать святых в течение всего периода раннего Нового времени, местное население деревень и городов сохраняло память о чудотворных статуях, колодцах и святых местах.

В некоторых случаях они были актуализированы в последние десятилетия как предметы для местного туризма, такие как Источник Св. Елены в Южной Швеции, который, как предполагается, связан с легендой о Святой Елене / Elin of Skövde и занимает видное место во многих туристических путеводителях области. Ле Гофф изучил агиографию Сент-Луиса (1996), совсем недавно Бушерон (2019) исследовал, как святого Амвросия почитали в долгосрочной перспективе, но в Северной Европе подобных мнемобиографий не хватало. Недавние исследования прослеживали некоторых святых и их культы на протяжении веков, особенно самых популярных, таких как Св. Биргитта и Св. Кнут. Для некоторых епархий в Швеции использование реликварий и мощей святых после Реформации было исследовано и определено количественно. Отсутствует сравнительный анализ закономерностей традиций культов святых после Реформации, а также их взаимосвязь с различными развитиями национальных государств и империй. Особенно для стран с относительно короткой историей национальной независимости (Финляндия, страны Балтии) значение средневековых святых и их культов как аспектов национальной самоидентификации полностью не исследовано. Хейккиля кратко упомянул тот факт, что Лалли в некоторых агиографических текстах, названных убийцей епископа Хенрика, миссионерского святого Финляндии, стал удивительно известной фигурой в 1990-х годах. Но как эта популярность связана с легендой о католическом святом?

Является ли это признаком придуманной традиции языческого прошлого? Или просто намек на национальную независимость от Швеции? Есть ли подобные явления в других странах региона Балтийского моря? В Финляндии святые культы играли лишь незначительную роль в развитии коллективной идентичности и национального нарратива. Даже епископ Хенрик, который якобы принес христианство финнам, обычно считается представителем иностранной власти, а не «финским» святым. Однако в финской православной церкви карельские святые играли и продолжают играть важную роль; особенно интересно, как их культы пересекаются с русскими с одной стороны, но конкурируют с русскими повествованиями с другой, как в случае святых-основателей Валаамского монастыря, Сергия и Германа, что отражает переплетение национального и

религиозного аспектов в пограничном районе начиная с XIX века (из-за общих антироссийских тенденций в финском обществе на рубеже и в первые десятилетия XX века.

Селарт и Менд (2018) описали Ливонию как средневековый регион без местных святых, хотя основатели епископов Ливонии XIII века – Майнхард, Бертольд и Альберт и первые христианские мученики имели потенциал для развития своих культов. Это, однако, не означает, что они не почитались на местах, и тем не менее они как основатели были важны для коллективной памяти Ливонской церкви. Ливонская летопись Генриха, описывающая жизни первых епископов и многочисленных христианских мучеников, сегодня стала наиболее востребованным нарративом средневековой истории для прибалтийских немцев и зарождающихся эстонских и латышских народов. Они во время полемики конца 19-го и начала 20-го века между балтийскими немцами и латышами / эстонцами изображались одними как объект культурной экспансии (Kulturträger) и символами угнетения для других. В латышской и эстонской культуре эти епископы также использовались как символы притеснения со стороны иностранных держав.

В России местные культы, появившиеся в средние века, в XVI веке превращаются в общероссийские и являются одним из инструментов государственного, а затем и имперского строительства. В дальнейшем роль и святых, и героев была двойной: 1) они являлись символами официальной идеологии империи и «большой русской нации» (термин Алексея Миллера); 2) в местных, иногда непризнанных культах и местных легендах о местных героях можно найти скрытые антиимперские настроения и память об «идеальном прошлом», когда Новгород и Псков были независимы от Москвы. После 1917 года происходит фактически разрушение средневековой памяти, разрушение гробниц святых, уничтожение мощей, ликвидация храмов и т. д. Обращение к русскому национальному строительству (определение Давида Бранденбергера (2002)) происходит в 1940-х годах и ярко проявляется в развитии советского культа Александра Невского. В дальнейшем и святые, и герои были задействованы в краеведении, музеефикации и феномене советской интеллигенции «эмиграции в Древнюю Русь». Они также привлекались как основа развития местной идентичности в 1960-х и 80-х гг. В современных национальных дискурсах Беларуси, Литвы, Латвии, Эстонии на постсоветском пространстве средневековые святые и герои превращаются в национальные ориентиры. В современной России идет амбивалентный процесс развития культурного сепаратизма (например, местного культа "новгородской независимости") и одновременно средневековые активно привлекаются в исторической политике как инструмент сохранения национально-культурного единства в России.

Только святых недостаточно, чтобы олицетворять национальные символы. Более

того, в эпоху империй правители нередко представляли не национальную, а иноземную власть (династия Романовых в Прибалтике и Польше, Финляндии), или мало соответствовали символической роли (герцоги Курляндские зависели от правителей Польши, затем Швеции). Региональные правители в Российской империи не всегда проявляли самостоятельные поиски своего символического лица). Национальная идентичность также воплощалась в культах героев. Это могут быть уже известные деятели средневековья. Они получают новую символическую роль. Типичным примером является русский князь Александр Невский, который из регионального новгородского князя в 18-19 веках становится великой символической фигурой. Петр I сделал его покровителем имперской столицы - Санкт-Петербурга. Князь стал покровителем всей императорской семьи, его культ процветает: перенос могилы в Александро-Невскую лавру в Санкт-Петербурге, учреждение ордена Александра Невского, массовое основание церквей в его честь. Как так получилось, что региональный князь Северо-Запада России стал главной символической фигурой русской истории и остается по сей день (в 2008 году он получил титул «Имя России»)? Фольклорные и псевдо-фольклорные персонажи в Прибалтике также были привлечены к роли национальных героев (Калевипоэг среди эстонцев, Калевала среди финнов), создан «новый пантеон», связанный с событиями средневековой или недавней истории (борцами за свободу, просветителями народа и т. д.). Эти «пантеоны героев» формируются по-разному, но они необходимы для идентичности. В проекте будет изучена «номенклатура героев» и проанализированы различные модели их построения.

В Прибалтике национальный «пантеон» появился позже, только в 19-м и начале 20-го века. В него вошли (псевдо)фольклорные деятели (Kalevipoeg), герои художественной литературы (Lāčplēsis), полководцы XIII века (Лембиту). Примечательно отсутствие религиозного аспекта, а иногда и воинственно антигерманские настроения. В советский период герои частично были приняты на официальный дискурс, что не было сложным из-за их германофобского аспекта. В Финляндии первый набор «национальных героев» появился в первые десятилетия XIX века, когда, следуя общеевропейской тенденции, ученые составили национальный эпос под названием «Калевала». Сначала считалось, что он пролил свет на ранее неизвестную древнюю историю финнов, как это на самом деле произошло. Значение образов Калевалы и воображаемых героев для формирования национального нарратива было поразительным. Символическими проявлениями идентичностей были образы, в которых воплощались идеи идентичности (например: для балтийских немцев такой фигурой был хозяин ливского отделения тевтонского ордена Вольтер фон Плеттенберг, для русских - князь Александр Невский). Тевтонский орден и его святые, особенно в Пруссии, также сыграли важную роль в построении истории региона,

особенно со времен Веймарской республики. Места памяти отождествлялись с этими символическими фигурами, как с историческими, так и с вымышленными. Их значение было изменчивым. Они формировали национальные дискурсы и одновременно зависели от них. Эти символические фигуры и связанная с ними память были ориентирами, вокруг которых строились конструкции идентичностей. В то время как современные и постмодернистские периоды породили ряд неперсонализированных аспектов национальной и местной идентичности (таких как пищевые обычаи, эстетические и архитектурные стили или образ мышления), домодерные периоды были сосредоточены на отдельных лицах в качестве главных фигур конструирования идентичности. Национальные романтические и националистические движения XIX и XX веков вновь актуализировали культы героев и героинь, при этом традиция часто фактически изобреталась заново, а не продолжала средневековое почитание. Изучение этих, и других сходных сюжетов, многие из которых еще предстоит выявить в ходе исследования (культы местных неофициальных святых, т.н. народные фольклорные герои и пр.) является конкретной задачей в рамках настоящего проекта.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

По первому направлению:

Земли Восточной Европы и Прибалтики через призму истории религии можно определять как территории, на которых в Средние века были реализованы различные модели христианских миссий. В современных исследованиях предлагается изучать феномен христианизации с помощью сетевого подхода (как пример его успешной реализации можно сослаться на последнюю коллективную монографию эстонских ученых под редакцией Ану Мянд и Марека Тамма (*Making Livonia: Actors and Networks in the Medieval and Early Modern Baltic Sea Region / Ed. by A. Mänd and M. Tamm. L.; N.Y., 2020*). Христианизация рассматривается как включение социума и его представителей в социокультурные сети, которые регулируют ритуалы, сценарии поведения, социальные роли, системы ценностей и мотиваций, ментальные и этические фреймы. В данном случае ориентирами для установки этих норм выступают христианские духовные, этические, культурные идеалы. Эти идеалы, помимо текстов и образов Св. Писания, учительной и церковно-служебной литературы воплощаются в образах святых.

В отношении происхождения святых существуют две научные школы. Представители первой считают, что первичны были именно «идеальные типы», а потом на их основе конструировалась агиография. Образ приписывался реальным людям. Сторонники второй придерживаются точки зрения, что исторические персонажи стремились в реальности соответствовать идеалам святости, и совершали подвижнические подвиги и большинство деяний, приписываемых им в житиях. В истории, видимо, была комбинация этих типов с преобладанием той или иной тенденции в случае каждой конкретной святой биографии.

Данную концепцию следует иметь в виду, когда мы пытаемся установить модели процессов христианизации в рассматриваемом регионе. Первые шаги новой веры были всегда связаны с экспортом святых, однако затем были запущены другие процессы:

- 1) адаптации идеалов святости к местным реалиям и нуждам;
- 2) копикета (термин З. Баумана), т.е. подражания, изобретения своих святых (или фиксации подвижничества избранных верующих, усвоивших христианские идеалы и построивших по ним свою жизнь). Исторически это проявляется в обретении наряду с общехристианскими собственными «национальными» святых, как государственного пантеона, так и местночтимых. Облик святости и механизмы ее формирования выступают индикаторами более обширных и значимых социально-политических и культурных

процессов.

Северо-Западные земли Руси, Новгородская и Псковская, были крещены в ходе общегосударственного акта, исходившего, прежде всего, от центральной княжеской власти. Здесь обращение в новую веру сочеталось с закреплением политической лояльности региона по отношению к Киеву и правящей там династии Рюриковичей. Поэтому основным содержанием религиозной жизни Новгорода и Пскова в Средневековье стало сочетание двух тенденций: распространение идеалов христианского универсума, закрепление через культ принадлежности земли к православному миру «всёя Руси», и в то же время — поиск собственных духовных моделей, развитие культов местночтимых святых (а по их количеству Северо-Запад до конца XV в. превосходил все остальные регионы Руси), собственных церковно-архитектурных и иконописных школ.

Мы проанализировали посвящения 838 новгородских храмов до 1599 г. (по летописям, актовому материалу, новгородским и псковским писцовым книгам). Безусловно, это не 100%-ная выборка, но она достаточно репрезентативна. По ней мы имеем 117 вариантов посвящений храмов святым и церковным праздникам. Из них всего девять общерусских культов (Феодосий и Антоний Печерские, Борис и Глеб, Владимир Креститель, Сергей Радонежский, Петр митрополит Московский, Алексей митрополит Московский, икона Одигитрии Смоленской) и восемь местных (Зосима и Савватий Соловецкие, Михаил Клопский, Антоний Дымский, Варлаам Хутынский, Николай Качанов, Александр Свирский, Тимофей/Довмонт Псковский). Кроме того, были привлечены обширные материалы по агиографии, церковным службам и иконографии.

Мы видим, что вплоть до XV в. доминируют культы общехристианских святых и праздников, то есть на первом месте стоит задача интеграции региона в православный мир. Резкий рост посвящений общерусским святым и локальных культов происходит в XV-XVI вв. Несомненна связь этого явления с обретением в 1448 г. автокефалии Русской Православной церковью. К XVI-XVII вв. мы можем отнести развитие процесса формирования русской раннемодерной национальной идентичности, начало формирования из русской этнокультурной общности российской нации современного типа. Этот процесс был тесно связан с ростом интереса к своей идентичности, а этот интерес сопровождался развитием культов собственных святых.

Первые местные культы связаны с князьями, причем их происхождение явно книжное (следы формирования «снизу» могут только предполагаться или угадываться, впрочем, возможно, это связано с состоянием источников). Это почитание Александра Невского (ум. 1263) (повесть о его подвигах с чертами агиографии появляется примерно в 1280-е гг.), Мстислава Владимировича (ум. 1132) (неочевидно новгородское

происхождение этого культа, агиографические тексты содержатся в сербском Прологе конца XIII – начала XIV вв. и болгарском синаксаре 1340 г.), псковского князя Довмонта / Тимофея (ум. 1299) (следы почитания с 1341 г.), псковского князя Всеволода / Гавриила (ум. 1138) (перенос мощей в 1368 г., обращение к памяти князя при военной опасности). Верифицируемых примеров почитания других локальных святых в Новгороде и Пскове в XIII–XIV вв. достоверно не фиксируется.

Складывание масштабной системы местных культов происходит в Новгородской епископии при архиепископе Евфимии, который после 1439 г. учредил культы новгородских владык, восьми епископов и архиепископов и трех князей XI–XIV вв. Напрашивается связь этого события с особенностями церковной жизни в эту эпоху, прежде всего, с церковным расколом в Восточной Европе, начиная с поставления на митрополию Фотия в 1408 г. и поставления Григория Цамблака митрополитом западнорусских епархий в 1416 г., и заканчивая Ферраро-Флорентийском собором 1438–1439 гг., Флорентийской унией 1439 г. и последующим обретением автокефалии Русской Православной церковью в 1448 г. Наступление католиков и раскол восточнославянского православия, порожденный противостоянием с Великим княжеством Литовским, крайне обострили проблему православной идентичности. Отвечать на этот вызов апелляцией к церковным универсалиям было неэффективно (универсалии у всех), и поэтому «расколу» и «латинству» противопоставлялась своя святость, истинная святость, воплощенная в собственных святых и подвижниках, которые, как обнаружилось, были в Северо-Восточной Руси с момента обретения христианства (учрежденное почитание охватывало персоны с XI в.). Средой для культивирования местной святости на Северо-Западе выступают, прежде всего, монастыри, чей статус с обретением «своего святого» резко возростал. С 1323 г. фиксируется почитание Варлаама Хутынского (ум. 1193), возможно, восходящее к XIII в. Кирилло-Белозерский монастырь сразу после кончины старца в 1428 г. называет себя «Кириллов».

Здесь интересен момент, что всплеск местных культов, связанных с монастырями, фиксируется в XV–XVI вв. На Северо-Западе Руси появляются десятки таких культов. Это время складывания «Русской Фиваиды», «созвездия» северных монастырей, возникновение которых было связано с монастырской колонизацией Русского Севера. То есть распространение христианской святости, на этот раз в локальных моделях, прямо связано с процессами освоения территорий, их включения в «мой мир». Но теперь для закрепления территорий использовались именно местные культы и связанные с ними священные места (деревья, горы, острова, пещеры, урочища), что было понятнее местному населению (адаптация народных верований).

XVI в. принес новое использование культов местных святых: на церковных соборах 1547 и 1549 гг. некоторые новгородские и псковские святые были канонизированы для общероссийского почитания (в том числе Всеволод/Гавриил, Александр Невский, архиепископ Евфимий, Савва Вишерский). Местные жития вошли в Великие Минеи Четьи, грандиозный свод житий святых, составленный в середине XVI в. при митрополите Макарии. Произошло обретение мощей целого ряда святых, которые жили в XII–XV вв., писались иконы, составлялись жития и гимнографические памятники. Локальные культы стали играть центростремительную роль. Собственно, как идейная основа сепаратизма, как показал наш анализ, в XI–XVI вв. они никогда и не выступали, и фактором в складывании особой «новгородской идентичности» тоже не являлись. Это феномен уже нового времени, XIX в. с его интересом к местной истории, когда средневековью были приписаны идеалы, сформировавшиеся гораздо позже. В средневековых источниках мы этого не видим, во всяком случае в виде прямых деклараций и формулировок.

А. И. Филюшкин, наиболее активно разрабатывавший данное направление, подготовил две статьи, отправленные в высокорейтинговые журналы (“Russian History” и «Государство, религия, церковь в истории России и за рубежом»), опубликовал две статьи РИНЦ и в декабре представит в журнал “Jahrbucher für Geschichte Osteuropas” третью статью (Scopus) по образу антигероя — Ивана Грозного — в сочинении пастора П. Одерборна (1585), первой западной биографии русского правителя.

Особой темой исследования стало изучение Р. А. Соколовым и И. Н. Смирновой культа Александра Невского: святого и героя, занимающего особое место в исторической памяти. На основании данных источников удалось уточнить важные нюансы формирования его почитания: 1) выявить конкретные мероприятия митрополита Кирилла по обеспечению будущей канонизации князя; 2) установить связь почитания Александра и Дмитрия Донского (не имевшего до 1988 г. статуса святого) в различные эпохи; 3) определить особенности иконописных канонов Александра Невского допетровского времени; 4) локализовать конкретное место пребывания мощей в период с сентября 1723 по август 1724 г. во время «шлиссельбургской остановки» на пути из Владимира в Санкт-Петербург; 5) на основании вновь введенных в оборот в период исследования источников (уголовное дело о вскрытии мощей Александра Невского (ЛОГАВ) подробно описать вскрытие мощей Александра Невского и проведение их медицинских экспертиз, акты которых создали основу для вывода о подлинности фрагментарно сохранившихся останков князя. Исполнитель Р. А. Соколов опубликовал три статьи РИНЦ, отправил в статью журнал, индексируемый в Scopus («Диалог со временем»).

В. И. Короневский в рамках разработки **второго направления** изучал

средневековые культы православных святых в Великом княжестве Литовском (ВКЛ), подготовил базу данных по посвящениям храмов в средневековый период в ВКЛ и приграничных к ВКЛ областях Польши. Им также изучалась рецепция этих культов в новое время (см. ниже отчет о его работе в рамках четвертого направления). На основе этой базы данных и исследований других источников А. И. Филюшкиным и В. И. Короневским сформулированы следующие выводы:

Великое княжество Литовское было уникальным образованием, объединяющим совершенно разные культурно-религиозные течения. При образовании этого государства в середине XIII в. в него вошли в большом количестве православные земли пострадавшей после монгольского нашествия Древней Руси. Вместе с тем, политическая элита страны, литовские князья, вплоть до 1385–1387 гг. исповедовали язычество, и формально ВКЛ вплоть до конца XIV в. оставалось самым крупным и единственным языческим государством Европы. Когда же элита приняла Крещение после Кревской унии 1385 г., то в Литву пришло католичество, и началось стремительное сближение с Латинской Европой. Комбинации этих разных религиозных укладов, их диалог и противостояние определяют характер духовной жизни региона вплоть до конца Средневековья.

В православных землях ВКЛ до XIII–XIV вв. шли процессы, сходные с Новгородской и Псковской землями: распространение образов, праздников и святых православного христианского универсума, общерусских древнерусских культов (прежде всего Бориса и Глеба) и появление редких локальных культов (например, Евфросиньи Полоцкой в XIII в.). Центрами сохранения и развития локальных культов, как и на Северо-Западе Руси, выступали монастыри (например, культ Св. Елисея Лавришевского в одноименном монастыре в Лаврышеве, и рост этого культа также начался с XVI в., хотя есть указания на более раннее почитание, вплоть до XIII в., но они нуждаются в верификации).

Отличие северных земель ВКЛ от Северо-Запада Руси в том, что после XIV в. здесь долгое время не происходит развития культа местных католических святых. Для христианизирующейся страны ситуация была ненормальной, в Польше это понимали, но меры оказались запоздалыми и ограниченными. В 1517 г. началась кампания по канонизации умершего в 1484 г. королевича Казимира Ягеллона, которого предполагалось сделать святым Покровителем ВКЛ. С ВКЛ его связывали смерть в Гродно и перезахоронение в Вильно в кафедральном соборе. В 1521 г. вышла канонизационная булла, но бурные события середины – второй половины XVI в. остановили процесс, булла затерялась. Канонизация Казимира завершилась только в 1602–1604 гг.

Распространение католичества с конца XIV в. сопровождалось трансфером святых

католического мира, но их было немного, и этот процесс был связан с королевской властью. Так, главный собор в ВКЛ — в Вильно — в XIV в. получил посвящения в честь св. Станислава (краковский епископ, погиб в 1079 г., первый польский национальный святой, канонизирован в 1253 г.), и св. Владислава (Ласло I, венгерского и хорватского короля из династии Арпадов, ум. 1095, канонизирован в 1192 г., с Польшей его связывало место рождения). Но до конца XVI в. нельзя говорить о масштабности этого трансфера, преобладали универсальные святые и праздники католического мира. Развитие местных культов здесь начинается в новое время, и оно было связано с нарастанием противостояния православных, униатов, католиков (когда мы видим примеры даже «борьбы за святых») в контексте пробуждения национального самосознания.

Публикационная активность А. И. Филюшкина и В. И. Короневского описана в других местах отчета.

В рамках третьего направления Д. И. Вебер, А. Селарт, С. С. Абузина и Т. Д. Медведева изучали культы святых в Прибалтике, Ливонии и Пруссии, владениях Тевтонского ордена. Прибалтика, земли будущих Ливонии и Курляндии, были христианизированы в XII–XIII вв. в ходе северных крестовых походов. Они стали частью германского мира, самой восточной провинцией Священной Римской империи (хотя официально членство в империи было оформлено только в XVI в.). Здесь политика универсализации, интеграции в латинское христианство превалировала над всем остальным. Мы видим трансфер германских и скандинавских святых, но, определенный парадокс в том, что Ливония не дала своих святых. Немецкому католическому миру Ливонии была важнее интеграция с католической Европой, со Священной Римской империей. А крещенное местное население в средневековье было слишком неразвитым в духовно-интеллектуальном плане, чтобы организовать местные культы, и, тем более, запустить дорогостоящие и сложные по процедуре процессы официальной канонизации. Вызывает определенные вопросы отсутствие культов местных христианских миссионеров, мучеников за веру в борьбе с язычниками, первых епископов Ливонии и т.д. Но здесь, видимо, оказала негативное влияние Реформация: в средневековье мы имеем следы зачатков таких культов (по крайней мере в отношении почитания гробниц первых епископов), но начало Реформации в 1520-е гг., гибель Немецкого ордена в 1560 г. и установление протестантского шведского владычества в Северной Эстонии с 1560-х гг., а по всем землям бывшей Ливонии с 1610–20-х гг., поставили крест на этих намерениях.

В процессе изучения специфики культа святых и героев в Пруссии были проанализированы посвящения ряду церквей, для выявления почитания того или иного святого в качестве патрона. Были рассмотрены церкви городского прихода, церкви,

принадлежавшие монашеским орденам, но располагавшиеся на территории города, и кафедральные соборы. В рамках первой категории превалировали св. Иоанн и апостолы Петр и Павел. Многие городские приходские церкви на территории государства Тевтонского ордена в Пруссии были посвящены св. Николаю. Если же говорить о других двух категориях церквей, то превалирует посвящение Деве Марии, что неудивительно, поскольку она занимала очень важное место в системе религиозного патроната церквей в прусских городах, что было связано с рядом обстоятельств, таких как: влияние Тевтонского ордена, а также возможное влияние культурной среды ганзейского пространства.

Кроме того, началось изучение Д. И. Вебером, совместно с коллегами — археологами из Калининградской области — комплекса находок паломнических жетонов, которые были выявлены на территории Калининграда. В ходе предварительно проведенного анализа было выявлено, что аналогичные паломнические жетоны были распространены в Данциге (совр. Гданьск), Ревеле (совр. Таллин) и Любеке, что позволяет проследить общий путь паломников, которые прибывали с территории северной Европы. Известно, что большая их часть первоначально останавливалась в Кенигсберге, из которого паломники отправлялись уже в другие места на территории Пруссии.

В контексте изучения святых и героев было также проанализировано историописание Раннего нового времени, в частности, т.н. «Прусской Хроники» (Kurtzer Außzug der Preussischen Chronicken von dem Jar 1200), вышедшей в 1566 г. Основное внимание было уделено конструированию мифа и роли местных прусских героев в формировании восприятия истории Пруссии в XVI в. Отдельного внимания заслуживает момент, что в данном источнике прусский миф соседствует с элементами сарматского мифа, что было связано с влиянием польского историописания, поскольку в это время Пруссия находилась в вассальной зависимости от польской короны. Другим важным источником, рассмотренным в рамках первого года реализации проекта и связанным с конструированием героической истории прошлого отдельной части Балтийского региона был анализ т.н. «Хроники Датских королей», два списка которой хранятся на сегодняшний день в отделе рукописей Российской национальной библиотеки и до сих пор не были введены в научный оборот. Кроме того, был проведен предварительный лингвистический анализ датского и нижненемецкого вариантов. В тексте встречается значительное количество данизмов, что могло быть связано со стремлением сохранить удачную рифму, поскольку хроника рифмованная. Во-вторых, можно отметить сильные колебания размера в немецком варианте. Датский оригинал имеет относительно регулярную структуру стиха — 4 стопы, но немецкий перевод «Хроники» часто выходит за пределы 4-стопного размера. Очевидно, что автор перевода стремился в первую очередь передать смысл произведения, а

не сохранить его поэтическую форму. Данный анализ, помимо специфики перевода, позволяет говорить о распространении данной хроники и формировании датского историописания с акцентом на героизации собственного прошлого на ряд земель Балтийского региона, которые находились под ее влиянием.

В рамках направления Д. И. Вебером опубликована статья в журнале Scopus (второй квартиль), принята в печать (со справкой) вторая статья (в соавторстве с иностранным ученым А. Левансом, не членом гранта, поэтому в отчете эта статья учитывается как 0,5 публикации), А. Селартом опубликована статья (Scopus) и сдана для публикации другая статья (Scopus). Т. Д. Медведевой и С. С. Абузиной также сданы в печать две статьи РИНЦ (приняты со справкой-подтверждением).

В рамках четвертого направления К. Парппей изучала эпос Калевалы и его осмысление в практиках нациестроительства, культуры православных святых Карелии в новое и новейшее время. Ей представлена статья для высокорейтингового журнала (Scopus). В. И. Короневский занимался исследованием эволюции культов средневековых святых в XIX – начале XX вв. на Смоленской земле и в присоединенных к Российской империи по итогам разделов Речи Посполитой губерниях. Основное внимание было сосредоточено на исследовании культа св. Евфросинии Полоцкой, который в течение 1830–1910 гг. прошел путь от полного упадка до обретения широкой популярности. После заключения Брестской унии 1596 г. и вплоть до 1830-х гг. Евфросиния Полоцкая оставалась почти полностью забытой, культ ее угас, а на его место пришла традиция почитания св. Параскевы Полоцкой — католической адаптации св. Евфросинии. После Ноябрьского восстания и активизации деятельности местного духовенства, направленной на присоединение к православию местных униатов, культ Евфросинии Полоцкой переживает второе рождение, сама святая княжна становится одним из символов воссоединения. Восстанавливается находившийся в упадке Спасо-Евфросиниевский монастырь, туда переносится из полоцкой Святой Софии знаменитый крест Евфросинии. Тогда же начинается долгая история ходатайств о перенесении в Полоцк находящихся в Киево-Печерской лавре мощей святой. Получая постоянные отказы от Киевских митрополитов, полочане смогли добиться только переноса в город частицы мощей Евфросинии (одного перста), сама реликвия целиком была доставлена в Спасо-Евфросиниевский монастырь только в 1910 г. Сопряженные с этим событием торжества имели серьезный идеологический подтекст, направленный на укрепление власти монарха и, что более важно, на утверждение принадлежности Северо-Западного края к православной вере и русской народности — в противовес притязаниям католиков-поляков, которые в рамках конфликта «идеальных отечеств» (польского и русского) воспринимали Северо-Западные губернии

как исконно польскую землю. С прибытием мощей святой в Полоцк ее популярность резко усиливается, значение Евфросинии Полоцкой как «места памяти», отсылающего к русскости и православности края возрастает — соответствующие тенденции были прерваны Первой Мировой войной и последующими событиями. В. И. Короневский опубликовал три статьи РИНЦ.

И. Н. Смирнова вела работу в архивах Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Особый интерес для исследования по теме проекта составила опись № 1 Фонда 36 ЦГАЛИ СПб — материалы Государственного Музейного Фонда Ленинградского отделения Главнауки Наркомпроса РСФСР (1917-1929 гг.). Опись № 1 содержит в себе материалы заседаний Петроградской и Соединенной художественно-исторических комиссий, а также материалы по организации охраны имущества домовых храмов Петрограда в 1918–1922-х гг. Документы, проливающие свет на организацию охраны ценностей в Петрограде в 1918–1922-х гг., ранее практически не публиковались и не рассматривались исследователями с той точки зрения, что их использование может пролить свет на организацию охраны церковных артефактов, связанных с культурами святых, в период до 1922 г. Несмотря на официальное забвение большей части культов святых и национальных героев уже в первые годы советской власти, память о них удалось сохранить, в первую очередь, благодаря работе исследователей и художественных деятелей, поставивших своей целью сохранение связанных с культурами артефактов, веками принадлежавших церкви. Здесь можно особо выделить так называемую Соединенную художественно-историческую комиссию в Петрограде, работа которой шла всю первую половину 1918 г. под руководством историка искусств, в прошлом — редактора журнала «Старые годы» В. А. Верещагина и при непосредственном контроле наркома просвещения А. В. Луначарского. Основываясь на ранее не публиковавшихся материалах архива ЦГАЛИ СПб, можно сделать вывод, что комиссия планировала создание «особой подкомиссии по надзору за сохранностью художественно-исторического достояния церквей Петрограда», сбор наиболее ценных артефактов и перенос их в охраняемое место для дальнейшей организации там музея или выставочного пространства. Позже Комиссия была преобразована в Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины при Комиссариате Народного Просвещения. Новый орган состоял из нескольких секций, наиболее масштабная из которых — «архитектуры и церквей», принимала деятельное участие в составлении описей церковного имущества и вывозе церковных художественно-исторических ценностей в музейные хранилища Петрограда. И. Н. Смирновой опубликована статья РИНЦ и в соавторстве с Р. А. Соколовым подготовлена статья для издания Scopus.

М. М. Шахнович проводила изыскания в архивах Москвы (РГАСПИ, РГАНИ) которые нашли отражение в публикациях и в рукописях, подготовленных к печати. Особый интерес представляют материалы РГАНИ — Фонд 5. Описание 17 (апрель 1953 – февраль 1954 г.). Отдел науки и культуры ЦК. Документы из Совета по делам РПЦ о состоянии дел в приходах и церкви, а также РГАНИ Фонд 5. Описание 16. (1946–1956). Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС. Документы, связанные с паломничествами к святым местам, а также с подготовкой соответствующего постановления по этому вопросу. М. М. Шахнович опубликованы две статьи (Scopus), причем одна — в журнале первого квартала по религиоведению.

В статьях рассматривается изучение почитания местночтимых святых советскими этнографами в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Представляет интерес введение в научный оборот полевых материалов, которые были собраны, но по тем или иным причинам не были опубликованы. Экспедиции осуществлялись сотрудниками Музея антропологии и этнографии, Этнографическим отделом Русского музея, Государственной академией истории материальной культуры, Обществом краеведения и Союзом воинствующих безбожников. Особый интерес в конце 1920-х гг. у исследователей народной религиозности вызывал культ местночтимых святых, прежде всего, в связи с тем, что их почитание было недостаточно изучено. Во второй статье описываются цели, принципы и разные формы презентации культа святых в экспозициях антирелигиозных и краеведческих музеев в контексте идейных и культурных задач музейного строительства в начале 1930-х годов. Вопрос о презентации икон и предметов церковного культа в антирелигиозных целях был чрезвычайно острым: с одной стороны, невозможно было создать экспозицию о религии без экспонирования артефактов, имеющих к ней отношение, с другой — эти артефакты должны были служить разоблачению религии. После кампании по вскрытию «мощей» они нередко выставлялись в музеях с антирелигиозными целями, однако эта демонстрация чаще всего вызывала обратный эффект. В статье анализируются материалы дискуссии о возможности использования икон и предметов культа в антирелигиозных экспозициях, автор показывает, что в этот период обостряются противоречия между «антирелигиозниками», считавшими интерес к религиозному искусству «могильным эстетизмом», укреплявшим религию, и представителями так называемого «культурничества», пытавшимися сохранить и экспонировать в музеях памятники религиозной культуры. Особое внимание уделяется изучению поиска «третьего пути» в разрешении существовавшего конфликта между классическими принципами экспонирования религиозного искусства, связанного с почитанием святых, и новым, так называемым «антирелигиозным» подходом, опиравшемся на сравнительное изучение

религий и на полевые исследования в области народной религиозности. Основными принципами этого «третьего пути», ориентированного на сохранение и экспонирование памятников религиозной культуры, стал отказ от их пиетистской интерпретации, должное внимание искусствоведческому анализу, а также марксистский историко-культурный и социологический анализ.

Также М. М. Шахнович подготовлена третья статья: «Культ святых в исторической науке и антирелигиозной пропаганде 1920-х годов в СССР» для номера журнала «Государство, религия и церковь в России и за рубежом». (РИНЦ, Web of Science, Scopus Q 1). В ней показано, что в течение десяти лет на фоне печально известной капании по вскрытию мощей, осуществлявшейся в Советской России начиная с 1919 года, в стране было опубликовано большое количество работ, посвященных почитанию святых, которые были неоднородны по своему содержанию и направленности. В статье выделяются три группы публикаций, исходя из их целей, задач и академичности содержания. Во-первых, это — труды по агиографии, истории культов, паломническим практикам, написанные с применением актуальных в ту пору научно-исследовательских стратегий. Ко второй группе следует отнести опубликованные историко-публицистические сочинения российских и переводы зарубежных авторов, описывающие историю канонизации тех или иных христианских святых, но критикующие народные и церковные рассказы о связанных с ними чудесах. Авторы этих сочинений опирались на критическую традицию, восходящую как к протестантским, так и просветительским трудам XVI–XIX вв. Третья группа — это антирелигиозные брошюры и статьи, направленные на разоблачение культа мощей и «церковного обмана», написанные в русле идеологического заказа, отражающего государственную политику в области религии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культы святых были важной составной частью процесса формирования христианской идентичности северных и восточных районов Балтийского моря в период Средневековья. В новое и новейшее время происходила дальнейшая мифологизация культов местных святых, и, кроме того, для формирования национальных идентичностей большую роль начинает играть культ героев, обретенных в собственном прошлом. Герои были историческими личностями, связанными с определенными событиями, важными для формирования общего образа "воображаемого сообщества" (используя терминологию Б. Андерсона). В эпоху национального романтизма некоторые из этих правителей, военачальников или ученых получили статус национальных героев. Святые и герои оказались символическими фигурами, в которых были воплощены принципиально важные образы местного, этнокультурного и более позднего национального дискурса, благодаря чему стало возможным само появление «воображаемого сообщества». В проекте предлагается изучение эволюции образов средневековых святых и героев, относящихся к истории региона Балтийского моря, от средневековья до раннего модерна, нового и новейшего времени, тем самым заполняя пробел в исследованиях европейских дискурсов идентичности, который был в основном ориентирован на Западную Европу. Здесь представлены все христианские конфессии (католицизм, протестантизм, православие), долгое время оставалось влиятельным язычество. Исходное разнообразие идентичностей делает этот регион особенно интересным для сравнительных исследований, изучения различий в предпочтениях выбора святых и героев: мужчин или женщин, отдельных лиц или коллективов, военных или интеллектуалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010.
2. Асеев Ю. С. К вопросу о времени основания Киевского Софийского собора // Советская археология. 1980. № 3. С. 128–141.
3. Благоверный великий князь Александр Невский: Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021.
4. Гишпиус А. А. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни... Сборник памяти А. С. Хорошева. М., 2009. С. 181–198.
5. Голубинский Е. Истории канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
6. Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань. Матеріали круглого столу. Київ, 2010.
7. Зашляпин Б. Д. Мемориальный комплекс гробницы благоверного князя Александра Невского. История создания // Гробница святого и благоверного великого князя Александра Невского: История и реставрация. СПб., 2021. С. 8–85.
8. Кирпичников А. Н. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л., 1980.
9. Клемшов А. С. Памятники Александру Невскому // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 335–358.
10. Комеч А. И. Роль княжеского заказа в построении Софийского собора в Киеве // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 50–64.
11. Кюршунова И. А. Памятники письменности Карелии как источник исследования антропонимов, Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 156–185, DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.038.
12. Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014.
13. Мироненко М. Д. Образ святого Александра Невского в русском искусстве XVI – начала XXI вв. СПб., 2021.
14. Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010.

15. Никитенко Н., Корниенко В. Древнейшие граффити Софии Киевской и время ее создания. Київ, 2012.
16. Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993.
17. Регинская Н. В., Цветков С. В. Благоверный князь православной Руси – святой воин Александр Невский. СПб., 2010.
18. Poppe A. The Building of the Church of St. Sophia in Kiev // *Journal of Medieval History*. 1981. Vol. 7. P. 15–66.
19. Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра, 1713–1913. СПб., 1913.
20. Святой благоверный великий князь Александр Невский. Образы и символика. Каталог выставки [Государственного Эрмитажа]. СПб., 2021.
21. Сиренов А. В. Патриарший ризохраниль Боголеп и два памятника монастырской книжности конца XVII в. // *Очерки феодальной России*. М., 2003. Вып. 7. С. 238–255.
22. Соколов Р. А., Мещенина А. А. Историческая память об Александре Невском в эпоху Петра I и его преемников // *Canadian-American Slavic Studies*. 2018. Vol. 52. Is. 4. P. 369–385.
23. Стецюра Т. Д. Святой благоверный князь Александр Невский // *Александр Невский. Государь, дипломат, воин*. М., 2009. С. 219–266.
24. Тихонравов К. Н. Богородице-Рождественский монастырь во Владимире. Владимир, 2002.
25. Хорошев А. С. Новгородская Святая София и Псковская Святая Троица по летописным данным (из истории местных патрональных культов) // *Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей*. Київ, 1998. Т. 5. С. 5–25.
26. Хорошев А. С. Софийский патронат по Новгородской первой летописи // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 205–212.
27. Цветаев Д. Перенесение мощей Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург (по архивным документам) // *Святой благоверный великий князь Александр Невский и древний Городецкий Федоровский монастырь*. Нижний Новгород, 2009. С. 81–99.
28. Чернякова И. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1998.
29. Чистович И. А. История православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1858

30. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // The theoretical foundations of Hungarian 'lieux de mémoire' studies. Debrecen, 2013. P. 36-43.
31. Assmann J. Religion and cultural memory / Translated by Rodney Livingstone. Stanford: Stanford University Press, 2006.
32. Baltisches historisches Ortslexikon. Teil 1, Estland (Einschliesslich Nordlivland) / begonnen von H. Feldmann, herausgegeben von Heinz von zur Mühlen, bearbeitet von Gertrud Westermann, Köln ; Wien : Böhlau, 1985.
33. Baltisches historisches Ortslexikon. Teil 2, Lettland (Südlivland und Kurland) / herausgegeben von Hans Feldmann und Heinrich von zur Mühlen ; bearbeitet von Hans Feldmann, Richard von Kymmel, Dagmar Lydike, Heinz von Zur Mühlen, Clara Redlich, Sigrid Weikert-Girgensohn, Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 1990.
34. Bell D. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. No. 54. Issue 1. P. 63–81.
35. Billy, P.-H. Patrociny Settlement Names in Francé, in: Onomastica uralica 8: Patrociny Settlement Names in Europe, ed. Valéria Tóth, Debrecen–Helsinki 2011, pp. 7-28.
36. Casimir, K. Patrociny Place Names in the North-Western Territories of Germany, in: Onomastica uralica 8: Patrociny Settlement Names in Europe, ed. Valéria Tóth, Debrecen–Helsinki 2011, 117-144.
37. Casimir, K. Patrozinische Ortsnamen in Nordwestdeutschland. In: Jahrbuch des Vereins für Niederdeutsche Sprachforschung Bd. 135 (2012) S. 7-32.
38. Caune, A. Rīgas lībieši un viņu īpašumzīmes (Rīga: Jumava, 1998).
39. Common Roots of the Latvian and Estonian Literary Languages, ed. Kristiina Ross, Pēteris Vanags, Frankfurt am Main 2008.
40. Crummey R. The Formation of Muscovy 1304-1613. London: Longman, 1987.
41. Dräger, K. "Petersen, Weihenstephan, San Pellegrino: Eine Einführung zum Thema Heiligenverehrung und Namengebung". In: Heiligenverehrung und Namengebung, edited by Kathrin Dräger, Fabian Fahlbusch and Damaris Nübling, Berlin, Boston: De Gruyter, 2016, pp. 1-16.
42. Eesti kohanimeraamat, koostanud Marja Kallasmaa jt., Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2016.
43. Egeler, M. Ortsnamen als religionswissenschaftliche Quelle. In: Zeitschrift für Religionswissenschaft 2019, Bd.27, H.1:
44. Flachenecker, H. Patrozinienforschung in Deutschland. In: Concilium medii aevi 2, 1999, pp. 145–163.

45. Flachenecker, H. Researching Patrocinia in German-Speaking Lands, In: Saints of Europe. Studies towards a Survey of Cults and Culture, 2003, S. 75-91
46. Greene R. Bodies Like Bright Stars. Saints and Relics in Orthodox Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2010.
47. Harri J. Pyhittäjäsiemme Karjalan valistajien yhteisen juhlan hymnografiasta // Ortodoksia. 2017. Nr. 57. P. 53-81.
48. Hasselblatt, C. Sprachgeschichtliche Voraussetzungen, in: Das Baltikum. Geschichte einer europäischen Region, Bd. 1: Von der Vor- und Frühgeschichte bis zum Ende des Mittelalters, ed. Karsten Brüggemann et al., Stuttgart 2018, lk 65-76.
49. Heinrichs Livländische Chronik = Heinrici chronicon Livoniae / bearbeitet von Leonid Arbusow und Albert Bauer, Hannover : Hahnsche Buchhandlung, 1955.
50. Ivoška, D.. Trends in naming individuals of different origin in medieval Prussia. *Onoma* 55, 2020, 133–147.
51. Jouravel A. Antonij von Novgorod – schlechter Topograph oder „Reliquienpilger“? Über die Notwendigkeit der neuerlichen Lektüre eines vieldiskutierten Textes // Für Seelenheil und Lebensglück. Das byzantinische Pilgerwesen und seine Wurzeln / Hrsg. von Despoina Ariantzi et Ina Eichner. Mainz, 2018. S. 153–162.
52. Jouravel A. Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod. Edition, Übersetzung, Kommentar. Wiesbaden, 2019.
53. Jouravel A. Die Neuausgabe des kniga Palomnik des Antonij von Novgorod // Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress. Belgrad, 2018. (Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd 63). S. 157–166.
54. Kala, T. The Position of Estonian Language in Religious Life from the Middle Ages to the First Half of the Eighteenth Century: Pastor Heinrich Christopher Wrede's (1691–1764) Texts. In: Konrad Maier (Ed.). Nation und Sprache in Nordosteuropa im 19. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz 2012. (Veröffentlichung des Nordost-Instituts; 9). S. 167–182.
55. Kala, T. Eesti keel pärsinimede ja etnonüümide näitel mõnedes varauusaegsetes Tallinna allikates. *Vana Tallinn*, 28 (32), 2017, 57–82.
56. Kala, T. Die Kirche, in: Das Baltikum. Geschichte einer europäischen Region, Bd. 1: Von der Vor- und Frühgeschichte bis zum Ende des Mittelalters, ed. Karsten Brüggemann et al., Stuttgart 2018, S. 224-258.
57. Kallasmaa, M. Estonian Settlement Names. In: Sandor Maticsak (Ed.). *Onomastica Uralica. Settlement Names in the Uralian Languages*. Debrecen-Helsinki: 2005. 17–33.

58. Kaplinski, K. „Eestlased ja venelased XIV sajandi Tallinna maksunimistuis“, Keel ja Kirjandus 1975, nr. 11, 682-692.
59. Karvonen I. Pyhän Aleksanteri Syväriläisen koulukunta – 1500-luvun luostarihistoriaa vai 1800-luvun venäläiskansallista tulkintaa? Publications of the University of Eastern Finland/ Dissertations in Education, Humanities, and Theology No 44. Joensuu: University of Eastern Finland, 2010.
60. Korpela J. The Christian Saints and the Integration of Muscovy // Russia Takes Shape – Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present. Edited by Sergei Bogatyrev. Saarijärvi: Gummerus, 2005. P. 17-58.
61. Korpela J. The World of Ladoga. Society, Trade, Transformation and State Building in the Eastern Fennoscandian Boreal Forest Zone c. 1000-1555. Nordische Geschichte, band 7. Berlin: Lit Verlag, 2007.
62. Korpela, J. The Patronal Saints of the Medieval Finnish Churches and Altars, in: Saints of Europe. Studies towards a Survey of Cults and Culture, ed. Graham Jones, Donington 2003, lk 199-209.
63. Laakso V., Belskiy S. The Kalmistomäki Cemetery of the Kylänlahti Pogost in Hiitola, Karelia. Archeological materials from the excavations in 2006-2009. Turku: Painosalama, 2018.
64. Laansalu, T. Kesk-Harjumaa kohanimede kujunemine ja nimesiire, Tartu 2020 (Dissertationes Philologiae Estonicae Universitatis Tartuensis 46).
65. Laitila T. Jumalat, haltiat ja pyhät. Eletty ortodoksisuus Karjalassa 1000-1900. Suomen kirkkohistoriallisen seuran toimituksia 234. Turenki: Hansaprint oy, 2017.
66. Laitila T. Ortodoksikarjalaiset idän ja lännen rajalla: suomalaisuus, karjalaisuus, venäläisyys ja kansallisen identiteetin rakentaminen // Epäluuloista ekumeniaan. Ortodoksisen ja luterilaisen kirkon vuoropuhelu. Edited by Suvi Niinisalo. Etelä-Karjalan instituutti. Raportti nro 2. Lappeenranta: Lappeenrannan teknillinen yliopisto, 2005. P. 107-130.
67. Laitila T. Uskon luotsi. Sergei Okulov Suomen ortodoksien vaiheissa. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2004.
68. Laur, W. Deutsche Orts-, Landes- und Gewässernamen in den baltischen Ländern. Hamburger Beiträge zur Geschichte der Deutschen im europäischen Osten 8 (Lüneburg: NOKW, 2001).
69. Loima J. Nationalism and the Orthodox Church in Finland 1895-1958 // Nationalism and Orthodoxy – Two Thematic Studies on National Ideologies and

- their Interaction with the Church, Teuvo Laitila and Jyrki Loima. Renvall Institute Publications. Helsinki: Helsinki University, 2004.
70. Mänd, A. The Cult and Visual Representation of Scandinavian Saints in Medieval Livonia. In: Carsten Selch Jensen, Tracey R. Sands, Nils Holger Petersen, Kurt V. Jensen, Tuomas M.S. Lehtonen (Ed.). *Saints and Sainthood around the Baltic Sea: Identity, Literacy, and Communication in the Middle Ages* Kalamazoo: Western Michigan University, Medieval Institute Publications, 2018, pp. 101–143.
71. Mitterauer, M. *Ahnen und Heilige. Namengebung in der europäischen Geschichte*, München 1993.
72. Nora P. *Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations*, Spring, 1989, No. 26, Special Issue: Memory and Counter-Memory. P. 7-24.
73. Pajusalu, K. jt., *Eesti murded ja kohanimed*, 3. trükk, toim. Tiit Hennoste, Tartu 2020, lk 273-274.
74. Pall, V. *Põhja-Tartumaa kohanimed*, kd. 2, Tallinn 1977.
75. Palli, H. „Eesti isikunimedest Harju- ja Järvamaal XVI sajandil“, *Keel ja Kirjandus* 1959, nr. 10, 595–608.
76. Parppei K. ‘Ja pian jo parantuivat ja lähtivät terveinä koteihinsa’ – pyhiinvaellukset luostareihin ortodoksisessa Karjalassa // *Suomalaisten pyhiinvaellukset keskiajalla – Kun maailma aukeni*. Edited by Sari Katajala-Peltomaa, Christian Krötzl ja Marjo Meriluoto-Jaakkola. *Suomalaisen Kirjallisuuden Seura/Finnish Literature Society*, 2014.
77. Parppei K. *The Oldest One in Russia // The Formation of the Historiographical Image of Valaam Monastery*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2011.
78. Piironen E. *Kirkkokunnan Aamun Koitto. Kirkon hengellisen sanoman ja uutisten viestintää Suomen ortodoksiin koteihin sadan vuoden aikana 1896-1996*. Joensuu: Painotalo PunaMusta, 1996.
79. Piironen Petri. *Ortodoksinen julkaisutoiminta 1780-1980*. Joensuu: Painotalo PunaMusta. 1991.
80. Põltsam-Jürjo, I. *Eesti keel ja kirikuvisitatsioonid 17. sajandil*, in: *Tuna. Ajalookultuuri ajakiri* 2019, nr 4, lk 10-25.
81. Põltsam-Jürjo, I. *Ein Beitrag zur Kenntnis des religiösen Lebens der autochtonen Bevölkerung Estlands im 13.-16. Jahrhundert*, in: *Die Kirche im mittelalterlichen Livland*, hg. Radosław Biskup et al., Toruń 2019 (*Ecclesia clerusque temporibus medii aevi* 5), S. 197-216.

82. Pospelovsky D. *The Orthodox Church in the History of Russia*. New York: St Vladimir's Seminary Press, 1998.
83. Raivo P. The peculiar touch of the East: Reading the post-war landscapes of the Finnish Orthodox Church // *Social & Cultural Geography*. 2002. Vol. 3. No 1. P. 11-24.
84. Rätsep, H. Alamsaksa päritolu eesnimedest, in: Huno Rätsep, *Sõnaloo raamat*, Tartu 2002, lk. 137-142.
85. Rätsep, H. Kolumbus Krisostomus. Kolumbuse-aegsete eesti poisslaste meelisnimedest ja nende päritolust, in: *Oma Keel* 2011, nr. 2, lk. 17-16; 2012, nr. 1, lk. 5-18.
86. Remmel, M.-A. Kirikuhooned Eesti ja Soome kohajuttudes, in: *Muistis, koht ja pärimus: Pärimus ja paigad*, ed. Heiki Valk, Tartu 2014 (*Muinasaja Teadus* 26/2), lk 171-260
87. Riikonen J. Toisiinsa kietoutuneet. Suomen ortodoksisen kirkon ja Suomen valtiovallan pitkä yhteinen taival // *Ortodoksia*. 2015. Vol. 54. P. 42-53.
88. Ross, K., Põltsam-Jürjo, I. Eesti keel XVII ja XVIII sajandil kiriku kirjallikus asjaajamises, in: *Keel ja Kirjandus* 2021, 7.
89. Rozyrkowski, W. Hagiotoponimia w państwie zakonu krzyżackiego w Prusach. In: *Peregrinatio ad veritatem. Studia ofiarowane profesor Aleksandrze Witkowskiej OSU z okazji 40-lecija pracy naukowej*, ed. Urszula Borkowska, Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2004, pp459-467.
90. Schneider, Th. F. "Hagiotoponyme im Kanton Bern:". *Heiligenverehrung und Namengebung*, edited by Kathrin Dräger, Fabian Fahlbusch and Damaris Nübling, Berlin, Boston: De Gruyter, 2016, pp. 177-196.
91. Sihvo H. *Karjalan kuva. Karelianismin taustaa ja vaiheita autonomian aikana*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 2003.
92. Siliņa-Piņķe, R. *Rigas spātmittelalterliche Personennamen* (Hamburg: Baar, 2014).
93. Siliņa-Piņķe, R. Von Hindrik zu Indulis: mittelniederdeutsche Spuren in heutigen lettischen Vornamen, in: *Names and Their Environment. Proceedings of the 25th International Congress of Onomastic Sciences, Glasgow, 25-29 August 2014*. Vol. 3: *Anthroponomastics*. Carole Hough and Daria Izdebska (eds). Glasgow: University of Glasgow, 2016, 233-246.
94. Stark L. *Peasants, Pilgrims and Sacred Promises. Ritual and the Supernatural in Orthodox Karelian Folk Religion*. *Studia Fennica Folkloristica* 11. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Tampere: Tammer-Paino Oy, 2002.

95. Šterns, I. „Latvieši un krievi viduslaiku Rīgā”, Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls 1996, nr. 2, 22-54.
96. Suomalaisen paikannimikirja, ed. Sirkka Paikkala, Helsinki 2007.
97. Tarvel, E. „Liivi asustusajaloo uurimise vajalikkusest“, in: Enn Tarvel, Ajalookimbatused, koost. Marten Seppel (Tartu: Ilmamaa 2013), 28-35.
98. Taverdet G., Gendron, S. Patrocinny Settlement Names in France, in: Onomastica uralica 8: Patrocinny Settlement Names in Europe, ed. Valéria Tóth, Debrecen–Helsinki 2011, 29-54
99. Thorbjornsrud B. 'The Problem of the Orthodox Diaspora': The Orthodox Church between Nationalism, Transnationalism, and Universality // NUMEN. 2015. Vol. 62. P. 568-595.
100. Tóth, V. Patrocinny Settlement Names in Europe. The findings of an international research programme, in: Beiträge zur Namenforschung, Volume 47, Issue 3 (2012), pp. 311 – 325.
101. Troska, G. Talunimed läbi aegade, Tallinn 1995.
102. Vahtre, L. Eestlase aeg. Uurimus eesti rahvapäraste ajaarvamise ajaloost, 2. trükk, Tallinn 2000.
103. Vauches, A. Saints and pilgrimages: new and old, in: The Cambridge History of Christianity. Vol. 4: Christianity in Western Europe c. 1100-c. 1500, ed. Miri Rubin, Walter Simons, Cambridge 2009, lk. 324-339.
104. Ylä-Jussila A. Heimo, uskonto ja isänmaa. Kirkollinen kansallistamistoiminta Itä-Karjalassa 1941–1944. Joensuu: University of Eastern Finland, 2020.